

Ономасиологический принцип описания функционально-семантической категории побуждения

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1999

Памяти С. А. Лебедь

Реализуясь прежде всего в рамках так называемой «целеустановочной модальности», категория побуждения, которая рассматривается нами в качестве категории функционально-семантической, вступает в сложное взаимодействие с другими конstituентами модального комплекса, в частности, с единицами плана «волюнтативной модальности» (характеристика обозначаемой ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости, желательности¹), плана эмоциональной и качественной оценки содержания высказывания, плана утверждения / отрицания. Поэтому неудивительно, что интерес к проблемам императива и побудительности в последние годы растет. Так, истекшее десятилетие отмечено появлением целого ряда крупных работ по данной тематике, среди них докторские диссертации Л. А. Бирюлина (1992), Ц. Саранцацрал (1993), Л. А. Сергиевской (1995), монографии Е. И. Беляевой (1992), Й. Крекича (1993), Л. А. Бирюлина (1994), коллективная монография «Типология императивных конструкций» под редакцией Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского (1992). Мощным стимулом для разработки проблематики явились ленинградская конференция «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» (1988) и выход монографии «Темпоральность. Модальность» из серии «Теория функциональной грамматики» коллектива авторов под руководством А. В. Бондарко (1990). Кроме того, поскольку способность к корректному продуцированию, равно как и к корректной интерпретации побудительных речевых актов является весьма важным элементом индивидуальной языковой компетенции, описание и систематизация средств и способов побуждения представлено (с той или иной степенью полноты) и в современных грамматических описаниях прикладного характера. Следует, однако, отметить, что в подобных описаниях (как сугубо научных, так и учебных) преобладает, как правило, комплексный семасиологически-ономасиологический подход, когда вначале описываются конструкции с императивными формами, объявляемые центром функцио-

¹ В русистике этот тип модальности принято называть «внутрисинтаксической» модальностью, ср. работы Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой.

нально-семантической категории побуждения (в который также могут включаться высказывания с побудительными междометиями, перформативами, инфинитивом и т. д.), а затем их функциональные эквиваленты². Подобный подход имеет немало достоинств, однако не свободен и от определенных недостатков, проявляющихся при межъязыковом сопоставлении. Так, даже в случае с близкородственными чешским и русским языками проблемы начнутся уже с морфологическим императивом — рядом окажутся конструкции с чешскими парадигматическими формами типа *pišme, pojedme* и с русскими непарадигматическими формами типа *идемте*, а при межъязыковом сопоставлении аналитических императивных образований, характеризующихся различной внутренней формой, семасиологический подход в принципе невозможен.

В целях ономазиологически ориентированного описания функционально-семантической категории побуждения мы воспользовались (в несколько модифицированном виде) предложенной Л. А. Бирюлиным и В. С. Храковским (которые опираются, в свою очередь, на принятое в теории речевых актов трехуровневое представление высказываний) моделью структуры содержания побудительного высказывания, включающей в себя: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает Прескриптора, Получателя прескрипции и Исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает Говорящего³, Слушающего / Слушающих (= Получателя / Получателей прескрипции) и Лицо / Лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие Р и его Агенса (= Исполнителя прескрипции). Возражая широко распространенному мнению, что Слушающий (= Получатель прескрипции) и Агенса

² Оригинальный взгляд на проблематику содержится в монографии Й. Крекича, который, исходя из положения создателя термина «перформатив» Дж. Остина о том, что высказывание, способное «развернуться» в эксплицитное перформативное высказывание, является *имплицитным* или *скрытым* перформативным высказыванием («С поля» = «Я объявляю, провозглашаю, выставляю или выкликаю вас с поля», ср. [Остин 1986: 62-63]), и мнения Ю. Д. Апресяна о приоритете перформативной формулы перед перформативным глаголом («Прости!» = «Прошу у тебя прощения», ср. [Апресян 1995. Т. 2: 203]), толкует это положение предельно расширительно — в разряд имплицитных побудительных перформативов попадает абсолютное большинство побудительных высказываний, и хотя его монография называется «Побудительные перформативные высказывания», речь в ней идет фактически о варианте систематизации средств побуждения современного русского языка. В соответствии с избранным Й. Крекичем углом зрения, центральную область побудительного массива составляют эксплицитные перформативные высказывания с перформативными глаголами из заданного списка, а высказывания с императивом занимают место на периферии.

³ У Л. А. Бирюлина и В. С. Храковского *Говорящего* (= *Прескриптора*).

(= Исполнитель прескрипции) непременно должны быть одним и тем же лицом, Л. А. Бирюлин и В. С. Храковский склонны считать, что Агеном действия (= Исполнителем прескрипции) может быть любой из заданных участников коммуникативного акта и любая теоретически допустимая совокупность этих участников. Тезис о факультативности кореференции Слушающего и Агенса позволяет обосновать возможность расширения массива побудительных высказываний, в частности, включения в него высказываний типа *Пусть он (они) еще подождет (подождут)! Пойдём(те) скорей! Пойду(-ка) подгоню их!* и т. п. [Типология... 1992: 8-9]

Мы склонны выдвинуть еще один тезис — тезис о факультативности кореференции Говорящего и Прескриптора. Это позволит на законном основании включить в анализируемый массив явно побудительные высказывания, в которых говорящий дистанцируется (более или менее решительно) от роли Прескриптора, беря на себя лишь посреднические функции. Прескриптором же подобного побуждения является лицо, непосредственно не участвующее в конкретном коммуникативном акте, ср.: *Господин директор просит Вас еще немного подождать*. Как нам представляется, сюда можно отнести случаи, когда Прескриптор персонально не определен, т.е. когда в его роли выступает как бы сам миропорядок в целом, ср.: *Вы должны быть более внимательны!* Отметим, что подобные ‘долженствовательно-побудительные’ высказывания, возможные и в русском речепотреблении, в речепотреблении чешском весьма узуальны, ср.: *Musíš pryč!* букв. ‘Ты должен уйти’, *Už táte jít* букв. ‘Нам уже надо идти’.

Нам представляется также необходимым отметить еще один важный компонент содержательной структуры побудительного высказывания, незаслуженно недооцениваемый, как нам кажется, даже в весьма солидных исследованиях (ср. [Русская грамматика 1979: 195], [Типология... 1992: 7]), — каузацию *возможности* действия Агенса. *Возможность*, безусловно, может быть интерпретирована через *необходимость* (например ‘*возможность некоторого действия*’ как ‘*отсутствие необходимости воздержания от него*’ или как ‘*отсутствие необходимости некоторого альтернативного действия*’, что хорошо прослеживается, в частности, на примерах употребления чешских модальных глаголов *tosí, muset* с отрицанием и без него), однако нам представляется оправданным введение данного компонента как самостоятельного, тем более, что он может выступать на передний план в семантической структуре некоторых социально значимых семантических интерпретаций побуждения, таких как *разрешение, предложение, приглашение*, ср.: *Садитесь, пожалуйста* = ‘*Вы можете сесть*’.

Суммируя изложенное, мы склонны охарактеризовать в качестве *побудительных* такие высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что ‘воздержание от действия’ также является своего рода ‘действием’; равно как ‘сообщение о необходимости’ или ‘сообщение о возможности’ может значить не только ‘необходимость’ или ‘возможность’, но и ‘отсутствие необходимости’ или ‘отсутствие возможности’.

Предлагаемая нами модель функционально-семантической категории побуждения базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом:

Ядро функционально-семантической категории побуждения образуют конструкции, формирующие иллокутивно универсальные и иллокутивно специфицированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, при этом Говорящий равен Прескриптору, а Слушающий равен Агенсу. Безусловно необходимыми критериями отнесенности к ядру являются критерии употребительности и стилистической немаркированности. В современных чешском и русском языках данным условиям отвечают конструкции с синтетическим императивом 2 лица, формирующие иллокутивно универсальные побудительные высказывания, и эксплицитные перформативные конструкции *1 л. ед. числа перформативного глагола + инфинитив / отглагольное существительное / придаточное предложение*, формирующие иллокутивно специфицированные побудительные высказывания.

Периферию функционально-семантической категории побуждения образуют конструкции, формирующие побудительные высказывания, не отвечающие приведенным выше условиям (например, высказывания с инклюзивным побуждением, с побуждением третьего лица, самопобуждением и т. д.), а также конструкции, формирующие побудительные высказывания через тематизацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через тематизацию каузируемого действия или его последствий, тематизацию возможности этого действия, его необходимости или полезности, тематизацию волеизъявления говорящего, адресата или иного лица / лиц).

Для того, чтобы хотя бы вчерне представить взаимную соотнесенность вычленяемых подобным образом конституентов функционально-

семантической категории побуждения в современных чешском и русском языках, мы подвергли статистической обработке приблизительно равные (по пять тысяч единиц для каждого языка) массивы чешских и русских примеров, извлеченных сплошной выборкой из произведений современной художественной прозы (мы старались использовать соотносительные по объему произведения⁴), см. далее четыре диаграммы, из которых первая и вторая учитывают абсолютные числа примеров того или иного типа, а третья и четвертая — их процентное соотношение.

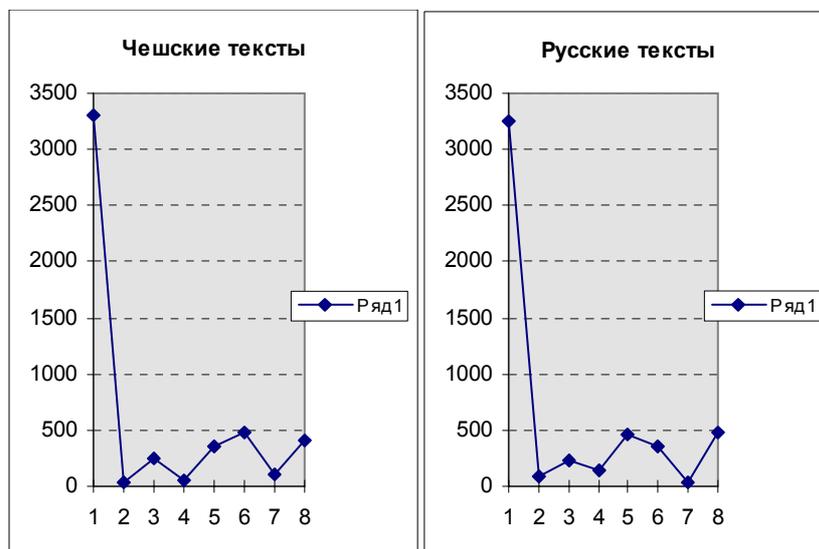
Предлагаемые диаграммы иллюстрируют как принципиальную инвариантность структуры функционально-семантической категории побуждения в сопоставляемых языках (ср. сходство контуров диаграмм 1 и 2), так и наиболее существенные особенности реализации данной категории в чешском и русском языковых пространствах, такие как большая узуальность для чешского речеупотребления побуждения через тематизацию необходимости или возможности каузируемого действия, что безусловно связано с большей по сравнению с русскими функциональной нагруженностью чешских модальных глаголов⁵, и большая узуальность иллюкутивно специфицированного побуждения для речеупотребления русского⁶.

Дальнейшее же описание функционально-семантической категории побуждения предполагает анализ составляющих ее подкатегорий,

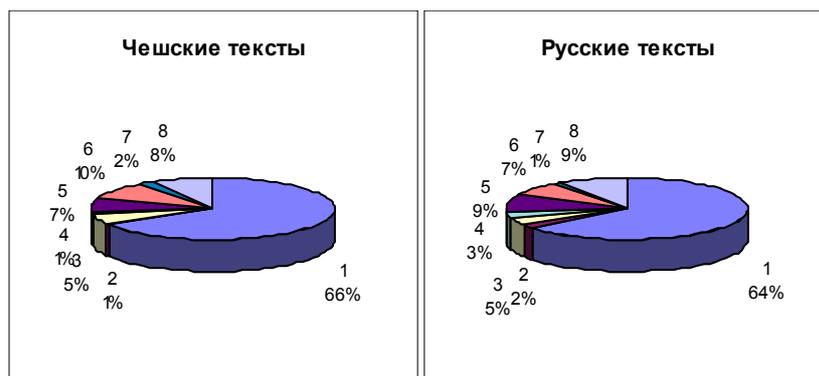
⁴ *Adlová V. Růže z Flander. Praha: ČS, 1976. 168 s.; Erben V. Poklad byzantského kupce. Bláznová smrt. Praha: ČS, 1986. 352 s.; Frais J. Klec plná siláků. Praha: ČS, 1978. 188 s.; Franková H. Ubohý Džony. Praha, ČS, 1988. 304 s.; Kadlec J. Balada o smutném boxerovi. Praha: ČS, 1981. 208 s.; Kapek M. A je to gól! Praha: Práce, 1983. 368 s.; Klevis V. Abiturienti. Praha: ČS, 1975. 180 s.; Körner V. Anděl milosrdenství. Praha, ČS, 1988. 200 s.; Kratochvíl M. V. Evropa tančila valčík. Evropa v zákopech. Praha: ČS, 1982. 528 s.; Marek J. Můj strýc Odysseus. Praha: MF, 1979. 276 s.; Navrátil J. Košťýř. Praha: ČS, 1978. 144 s.; Petiška E. Svět plný lásky. Praha: ČS, 1979. 236 s.; Psůtková Z. Růže z Bertramky. Praha: ČS, 1988. 168 s.; Souchop J. Laskavý nezájem. Brno: Blok, 1986. 208 s.; Suchl J. Hledání červené rukavičky. Praha: ČS, 1977. 120 s.; Štěpán L. Vysoko letí ptáci. Praha: ČS, 1980. 180 s.; Švandrlík M. Vražda mlsného humoristy. Praha: Práce, 1990. 144 s.; Volný Z. Den neposkvěného srdce. Praha: ČS, 1980. 236 s.; Аксенов В. П. Остров Крым. М.: Изограф, 1997. 416 с.; Алешковский Ю. Кенгуру. Воронеж: АМКО, 1992. 192 с.; Булычев К. Агент КФ. Подземелье ведьм. Город Наверху. М.: Армада, 1998. 474 с.; Довлатов С. Д. Зона. СПб.: Новый Геликон, 1996. 224 с.; Кабаков А. А. Ударом на удар, или подход Кристаповича. М.: Авлад-Файн, 1993. 208 с.; Пелевин В. О. Жизнь насекомых. Омон Ра. М.: Вагриус, 1997. 352 с.; Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу. Сказка о тройке. [Трудно быть богом]: Повести. М.: Текст, 1996. 447 с.; Филатов Л. А. Любовь к трем апельсинам. Сказки, повести, пародии. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. 416 с.*

⁵ Ср. [Сопоставительные исследования...: 215-216].

⁶ О большей, по сравнению с русским, узуальности недифференцированного побуждения для чешского речеупотребления свидетельствуют и особенности употребления в чешских и русских текстах интерпретирующих предикатов [Изотов 1998: 87].

1. Базовые типы иллокутивно универсального побуждения.
2. Базовые типы иллокутивно специфицированного побуждения.
3. Периферийные типы иллокутивно универсального побуждения.
4. Периферийные типы иллокутивно специфицированного побуждения.
5. Побуждение через тематизацию действия.
6. Побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия.
7. Побуждение через тематизацию волеизъявления.
8. Иные способы побуждения.

выделяемых на основе той или иной категориальной ситуации побуждения (например, *ситуация 1*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему; *ситуация 2*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Слушающему + Говорящему; *ситуация 3*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Лицу, не участвующему в коммуникативном акте; *ситуация 4*: Прескриптор равен Говорящему, Агенс равен Говорящему и т. д.).

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. 2-е изд. 472 с.; Т. 2. 767 с.
- Беляева Е. И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1992. 167 с.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. ... доктора филол. наук. СПб., 1992. 41 с.
- Бирюлин Л. А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. 229 с.
- Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Филологический факультет МГУ [рукопись].
- Золотова Г. А., Онопенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка РАН; Филологический факультет МГУ, 1998. 528 с.
- Изотов А. И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). М.: Филология, 1998. 112 с.
- Крекич Й.* Побудительные перформативные высказывания. Szeged: Jgytf Kiadó, 1993. 241 с.
- Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 22-130.
- Саранцацрал Ц.* Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1993. 246 с.
- Сергиевская Л. А.* Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 1995. 400 с.
- Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 326 с.
- Русская грамматика. Прага: Academia, 1979. 1093 с. [два тома с продолжающейся нумерацией]
- Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. 710 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. 264 с.
- Типология императивных конструкций / Под ред. В. С. Храковского, Л. А. Бирюлина. СПб.: Наука, 1992. 301 с.